

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Кара-Мурза

ФИЛОСОФ И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИСПОВЕДНИЧЕСТВА Ф.А. СТЕПУНА

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуются философско-исторические взгляды мыслителя-эмигранта Ф.А. Степуна (1884–1965) – одного из последних представителей русского Серебряного века, поздние сочинения которого являют собой редкий для русской диссидентской мысли пример *историософской самокритики*. Основной корпус источников составляют философско-литературный цикл «Мысли о России», опубликованный в 1923–1928 гг. в наиболее авторитетном журнале русской эмиграции – парижских «Современных записках», а также относительно поздние обширные воспоминания «Бывшее и несбывшееся», которые писались в Германии и Франции в 1930–1940-х гг. В этих текстах Ф.А. Степун, один из основоположников русской «политической альтернативистики», пишет об успехах и упущенных шансах русской социокультурной модернизации начала XX в., противоречиях и ошибках «февральского периода» русской революции (в котором он сам принимал активное участие), иллюзиях русской эмиграции и реальных перспективах антибольшевистской борьбы.

Ключевые слова: Ф.А. Степун, Россия, культура, Первая мировая война, революция, большевизм, эмиграция, мемуары

Для цитирования: Кара-Мурза А.А. Философ и Революция. Опыт интеллектуального исповедничества Ф.А. Степуна // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 2. С. 83–93.

Шестьдесят лет назад в западногерманском Мюнхене, в солидном 81-летнем возрасте, скончался Федор Августович Степун (1884–1965) – один из «последних могикан» русского Серебряного века. Уникальное место Степуна в истории русского зарубежья мало кем оспаривается. Одни биографы относят эту особость на счет того, что Степун, в отличие от большинства интеллектуальных звезд Серебряного века, был именно *профессиональным философом*: еще до революции окончил философский факультет Гейдельбергского университета, защитив в 1910 г. диссертацию по историософии Вл. Соловьева под руководством именитого неокантианца Вильгельма

Виндельбанда¹. Другие делают акцент на том, что Степун, русско-немецкий «билингва» по рождению и воспитанию, стал со временем уникальным соединителем русского и западноевропейского миров.

В данной статье акцентируется еще одна ипостась Федора Степуна как особого феномена русского зарубежья: его эмигрантские сочинения являют собой редкий пример русской *историософской самокритики*, доходящей подчас до высот интеллектуального исповедничества.

Достоинства и грехи старой России

Федор Степун сформировался в высококультурной русско-немецкой среде, очень далекой от демонстративного диссидентства, но твердо уверенной в «греховности» самодержавного строя. Задолго до революции для Степуна-интеллектуала было абсолютно ясно, что «дух последних лет царствования Николая II, дух безволия и произвола, самоуверенности и растерянности, топтання на месте и топтання ногой, дух творческой бездарности и административного рутинерства был темен, тяжел и тленен...»².

Поэтому, полагал Степун (теперь уже эмигрант и, добавим, эмигрант поневоле³), популярные в зарубежье идеи «антибольшевистской реставрации»

¹ Обучаясь в Германии, русский студент Федор Степун не раз поражался тому, что немецкие профессора, несмотря на «революционные громы 1905 года» и на то, что до начала Великой войны оставалось всего несколько лет, «не испытывали ни малейшей тревоги за состояние мира» (Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.; М., 1994. С. 115). «Социологическая незаинтересованность и политическая нечуткость почти всей нео-идеалистической философии Германии были поистине потрясающими, – вспоминал Степун. – Успокаиваясь на том, что Ницше – поэт и филолог, а Маркс – экономист и политик, маститые профессора философии или вообще не занимались этими мыслителями, или занимались ими в целях приспособления их идей к положениям научной философии, что по тем временам значило – к Канту» (там же). Очевидно, еще в годы обучения в Гейдельберге Федор Степун уже примеривался к своей будущей интеллектуальной траектории – виртуозному прохождению между Сциллой интеллигентского «панполитизма» и Харибдой академической нечуткости к социальным вопросам. Как возможна строгая философия современной культуры, куда бы органично вписался анализ конкретных политических процессов? – вот вопрос, с юности заботивший Степуна.

² Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VII // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 299. По мнению Степуна, сошедшая со сцены романовская монархия «всю свою жизнь, как могла и умела, боролась против идеи демократии», т.е. против «права каждого русского человека на свое индивидуальное, в Боге священное и в любви к своему народу конкретное лицо»: «В этой борьбе была та ее (российской монархии. – А.К.) безрелигиозность и антинациональность, которую до конца вскрыл большевизм. Весь химеризм большевицкого оборотничества, весь кошмар коммунистического хаоса – ни что иное, как *инобытие той безликости*, которую насаждал в России режим монархизма» (курсив везде мой. – А.К.) (Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк V // Степун Ф.А. Сочинения. С. 271).

³ Об обстоятельствах своей высылки из России в 1922 г. Степун с редкой откровенностью написал вскоре после того, как оказался в Европе: «Мне часто хотелось оказаться в Европе. Но всюю своею волей и всем своим сознанием борясь в себе против этого своего “хотения”, я все годы большевистского режима определенно “хотел” оставаться в России... Бежать от страдающей России в благополучие Европы, войти в тихую жизнь маленького немецкого городка и отдаться вечным философским вопросам представлялось прямым нравственным дезертирством... Бежать же... в добровольческий стан под белые знамена царских генералов – этого душа никак не принимала... Весь мир описанных мною

ведут в тупик: «С каждым днем всё громче и громче шумят среди нас люди с отшибленной (большевиками) памятью, искренне... и с пеной у рта доказывающие, что тяжелый дух последнего царствования должен быть каждому патриоту “сладок и приятен”, как аромат родных полей. Этот патриотизм тленного духа и смертного воздуха, конечно, может в некоторых случаях и не провозглашать восстановления монархии, но сам не пахнуть монархическим разложением он не может»⁴.

С другой стороны, Степун хорошо понимал, что именно антиправительственная прямолинейность в целом близкой ему левой интеллигенции помешала ей справедливо взвесить достоинства и недостатки старой России: «Правильно чувствуя, что Россия переросла царский режим, революционная воля, быть может, недостаточно чувствовала ту историческую даль, из которой он вырос. Справедливо борясь против “помещичьего феодализма”, она часто несправедливо забывала, что с помещичьим феодализмом как-то связана русская культура: помещичья философия и помещичья литература»⁵.

Тысячу раз правая, согласно Степуну, в своей защите социальных низов и национальных меньшинств, русская интеллигенция, очевидно, недооценила «страшной, с первых же месяцев революции обнаружившейся трудности соединения этого равнения на “низы” и “меньшинства” с ревностным служением тому российскому великодержавию, в котором... заключался исторический смысл миновавшей эпохи»⁶. Но если в ходе подготовки революции этот недостаток был объясним и, наверное, неизбежен, то в постреволюционный период он стал и излишним, и вредным: «Долгие годы вся оппозиционная Россия только и жила ожиданием смены политической формы правления; теперь, когда смена как-никак все же произошла, наше внимание естественно направляется на то вечное содержание России, во имя которого она в сущности происходила»⁷.

В отличие от многих знакомых-эмигрантов из числа эсеров, социал-демократов и левых либералов, Степун высоко ценил и не раз «с подлинной нежностью» (его выражение) вспоминал «канунную Россию»: «До чего же она была богата по особому заказу скроенными и сшитыми людьми. Что ни человек – то модель. Ни намека на стандартизованного человека за-

мыслей и чувств был совершенно внезапно упрощен предписанием Г.П.У. покинуть пределы России... Грубая сила (этот опыт я вынес еще с войны) – лучшее лекарство против всех мук сложного многомерного сознания. Не иметь возможности выбирать, не располагать никакой свободой иногда величайшее счастье» (*Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк I // Степун Ф.А. Сочинения. С. 205–206*).

⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VII. С. 300. Более того, Степун полагал, что правые круги эмиграции во многом воспроизводят те самые свойства и черты, которые и привели Россию к катастрофе: «Когда слышишь, как в “правом” лагере утверждают, что всякий интеллигент – словоблуд, а революционер – всегда каторжник, что социализм – защитная форма еврейского национализма, а ненависть к демократии – высшая форма проявления любви к родине... то во всей композиции этой психологии отчетливо чувствуешь то страшное наследие павшей монархии, то полное духовное бессилие, объединение с которым в борьбе за будущую Россию было бы, право, не более осмысленно, чем объединение врача со смертью в борьбе за жизнь вверенного ему пациента» (там же).

⁵ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VII. С. 296.

⁶ Там же. С. 296–297.

⁷ Там же. С. 297.

падноевропейской цивилизации»⁸. «И это, – поражался Степун, – в стране монархического деспотизма, подавлявшего свободу личности и сотнями бросавшего молодежь в тюрьмы и ссылки»⁹.

Россия перед Первой мировой войной – излюбленная тема Степуна-мемуариста. В отличие от лево-радикальных диссидентов, называвших 1907–1914-е гг. «потерянным временем», «эпохой реакции» и т.п., Степуну, напротив, активно нравился бурный культурный рост России, та энергетика, с которой «русская жизнь в “темные годы” реакции боролась против интеллигентской революции», удивительным образом перекраивая «революционеров разных масштабов и толков в маститых присяжных поверенных, оборотистых лабазников, ученых, скульпторов...»¹⁰

Интеллектуал, вскоре оказавшийся в окопах Великой войны, Степун сравнивал спонтанно развивавшуюся довоенную Россию с «*ничейной полосой*» между охранителями и революционерами: «Как в межфронтовой полосе, под перекрестным огнем двух вражьих станов, каким-то чудом сажалась и выкапывалась насущная картошка, так и в России накануне Великой войны наперекор смертному бою охранного отделения и боевой организации, на жалкой почве, как-никак добытой 1905-м годом свободы, вырастала какая-то новая, с году на год всё крепнущая жизнь... Силовая станция все-русской культурной работы находилась, конечно, в Москве, вдали от министерств и правительственных канцелярий»¹¹.

Москвич по рождению и самоощущению¹², Степун был одушевлен быстрым предвоенным ростом Москвы – и хозяйственным, и культурным: «Булыжные мостовые главных улиц заменялись где торцом, где асфальтом, улучшалось освещение. Фонариков с лестницей через плечо и с круглой щеткой для протирания ламповых стекол за пазухой я по возвращении в Москву (после обучения в Германии. – А.К.) уже не застал... Молочно-лиловые электрические шары, горевшие поначалу лишь в Петровских линиях, на Тверской и Красной площади, стали постепенно появляться и на более скромных улицах городского центра. Ширилась и разветвлялась трамвайная сеть. Уходили в прошлое милые конки с пристегом где одной лошаденки, а где, как, например, на Трубной площади или под Швивой горкою, и двух... Становились преданием парные разлатые линейки, что в мои школьные годы ходили в Петровский парк и Останкино...»¹³

⁸ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 214.

⁹ Там же. Степун не устал подчеркивать принципиальную разницу между «старым» русским деспотизмом и «новым» большевистским тоталитаризмом: «Какая в этом отношении громадная разница между царизмом и большевизмом, этой первой в новейшей истории фабрикой единообразных человеков. Очевидно, государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими культурно-педагогическими заданиями, своими замыслами о новом человеке и о новом человечестве. При всем своем деспотизме царская Россия духовно никого не воспитывала и в духовно-культурной сфере никому ничего не приказывала» (там же).

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Там же. С. 154, 157. В своей оценке довоенной Москвы эмигрант Степун сознательно оппонировал двум крайним и равно популярным в зарубежье мнениям: «У Бориса Зайцева довоенная Москва – иконостас за синью ладана...»; «У Андрея Белого – зверинец, “преподнесенный” в методе марксистского социологизма...» (там же. С. 206).

¹² См.: Кара-Мурза А.А. Москва Федора Степуна // Философские науки. 2014. № 8. С. 60–77.

¹³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 154.

Многие страницы воспоминаний посвятил Степун описанию впечатляющих изменений московской архитектуры¹⁴: «Всюду, как грибы после дождя, вырастали дома. Недалеко от Красных ворот забелела одиннадцатизэтажная громада дома Орлика¹⁵. У Мясницких ворот высоко подняла свои круглые часы башня нового почтамта... На плоской крыше многоэтажного дома Нирнзее... раскинулось совсем по-европейски нарядное кафе (на этой смотровой площадке нового московского небоскреба Степун, живший через Тверскую напротив, неоднократно бывал. – А.К.). Особенно быстро преобразалась “улица святого Николая” (выражение литератора Бориса Зайцева. – А.К.), интеллигентский Арбат. Едешь и дивишься – что ни угол, то новый дом в пять-шесть этажей...»¹⁶

Правда, вспоминал Степун, «не всё обстояло благополучно в этом подъеме русской культуры»: «В московском воздухе стояло не только благоухание ландышей, украшавших широкую лестницу морозовского особняка (нового московского дома Маргариты Морозовой в Пречистенском переулке, где проходили заседания Религиозно-философского общества. – А.К.), в котором под иконами Рублева и панно Врубеля бесконечно обсуждались идеи “Пути” и “Мусажета”, но и попахивало тлением и разложением...»¹⁷

«Несчастье канунной России заключалось в том, – предельно жестко формулирует Степун, – что в общественности и культуре цвела весна, в то время как в политике стояла злая осень» (курсив мой. – А.К.): «Власть лихорадило: она то нерешительно отпускала поводья, то в страхе бессмысленно затягивала их. Не только революционерам, но и умеренным либеральным деятелям приходилось туго... Ясно, что трупный запах заживо разлагавшейся

¹⁴ Описывая трансформации облика родной Москвы, ее обожатель и знаток Степун был ровен и справедлив в оценках: «Напрасно природные москвичи с пеною у рта ругают большевиков за то, что они стерли с Москвы ее стародавний облик. Облик этот начал меняться задолго до большевиков. Спору нет: большевизм проявил в своем коммунистически-государственном грядуществе много бестактности и безвкусицы, но ведь и в вольном меценатски-купеческом строительстве не было недостатка ни в том, ни в другом. Достаточно вспомнить врубелевскую мозаику на Метрополе, громадные, золотом окаймленные лиловые ирисы всем нам памятного особняка недалеко от Никитских ворот, неоготический замок [Зинаиды] Морозовой, глубоко во дворе на Спиридоновке, и знаменитый по своей нелепости особняк (Арсения Морозова. – А.К.) на Воздвиженке в мавритански-готическом стиле, с его усыпанными раковинами и окантованными каменными морскими канатами башнями. Думается, что все эти стилистические изощрения подходили к старой Москве не больше, чем здание Моссельпрома (закончено в 1925 г., уже после высылки Степуна. – А.К.). Единственное, что можно сказать в защиту вольного московского строительства, – это то, что в Москве всякая нелепая причуда всегда была больше к лицу, чем покорное послушание закону планового строительства» (там же. С. 155).

¹⁵ Здесь Степуна подводит память. Доходный дом «молочного короля» Орлика на Садовой-Спасской, построенный в стиле *арт-деко* в 1905 г., был восьмизэтажным и всего на полтора метра выше (таково было требование амбициозного заказчика) соседнего, тоже восьмизэтажного, доходного дома «водочного магната» Афремова. «Дом Орлика» короткое время (до появления девятиэтажного «дома Нирнзее» в Большом Гнездиновском переулке) был самым высоким небоскребом (тогда говорили: «*тучерезом*») Москвы.

¹⁶ Там же. С. 154–155. Подробнее см.: Кара-Мурза А.А. Москва «до» и «после» Революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 262–283; Он же. Степун, Москва и мировая война // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 83–86.

¹⁷ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 164.

власти, отнюдь не столь злой и жестокой, как в те времена казалось, но уж очень беспомощной в делах государственного управления и окончательно безвольной, не мог не отравлять самых светлых начинаний предвоенных лет»¹⁸. С убийством Столыпина, отмечал Степун, даже в охранительно-консервативных кругах начала затухать надежда, что правительственная власть как-нибудь справится со своею «историческою задачею»: «Всем было ясно, что Россия может быть спасена только радикальными и стремительными мерами. Но на такие меры власть была окончательно неспособна. Тень себя самой, изнутри безвольная, а потому и вовне бессильная, она, словно тяжелобольной, лихорадочно металась от либеральной подачки к реакционной урезке и обратно»¹⁹.

Уроки Февральской революции

Случилось так, что Федор Степун, человек лево-либеральных и христианско-демократических убеждений²⁰, стал активным участником февральского («жирондистского») этапа нашей революции. Степун до конца оставался активным защитником Февраля, который, как он любил повторять, явился прямым результатом «одержимости всей русской интеллигенции платоновской верою, что политику должны делать философы» и, в конце концов, «не чем иным, как победою революционного университета над реакционными министерствами (курсив везде мой. – А.К.)»²¹.

Увы, плоды той общегражданской, «бессловной» победы достались в итоге «вождям лево-интеллигентской кружковщины»²², оседлавшей популярный нарратив «углубления революции». «И на фронте, и в Петербурге, – вспоминал Степун, – в первые же дни революции явно зародилась какая-то для всякого непредвзятого глаза совершенно очевидная *стилистическая ложь*»: «Почти всё, что происходило, происходило как-то не так, как оно должно было происходить, – не в меру революционной нужды, а сверх этой

¹⁸ Там же. С. 164–165.

¹⁹ Там же. С. 236. Значительная часть вины за трагический исход русского кризиса лежала, согласно Степуну, и на «свободолюбивой интеллигенции»: «Обладай она более глубоким чувством трагической сущности истории, более глубоким пониманием греховной природы всякой власти, не думай она в своем просвещенском оптимизме, что достаточно введения ответственного перед народом министерства, чтобы всё сразу пришло в порядок, она, быть может, и нашла бы в себе мудрость дальнейшего претерпения безвольной и безыдейной, но далеко не такой кровавой, как то казалось нашей общественности, власти, которая... одна только и могла довести войну до приемлемого конца и на тормозах спустить Россию в новую жизнь. Но в том-то и горе, что этой возможности в прогрессивном лагере никто не чувствовал. Десятилетиями обострявшаяся борьба между правительством и обществом приняла во время войны столь острые формы, что ни у кого не было сомнений в том, что только общество, свергнув монархию, сможет спасти Россию» (там же. С. 237–238).

²⁰ Подробнее см.: Кантор В.К. Федор Августович Степун: «Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории...» // Российский либерализм: идеи и люди. Т. 2: XX век. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 906–912.

²¹ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 205. Подробнее см.: Жукова О.А. Россия и Революция: философия и социология русской культуры Ф.А. Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 242–261.

²² Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 206.

меры, с переходом в измерение революционной игры. Во многом чувствовалась не только сознательная человеческая воля и бессознательная человеческая страсть, но еще и какое-то безответственное *щучье веленье революционной атмосферы* (курсив Степуна. – А.К.)»²³.

Если бы все «деятели Февраля», полагал Степун, что «так горячо принялись за построение новой России... принялись бы за это дело не рабами революции, но революционерами до конца, т.е. людьми, всегда готовыми и на революцию против революции (поскольку она несла с собой шаблоны и штампы), их постройка шла бы бесконечно медленнее, но зато и бесконечно свободнее, правдивее и прочнее»²⁴. И далее автор конкретизирует свой принципиальный посыл: «Если бы наш генералитет не отрекся от вскормившей его монархии с тою недостойной легкостью, с которой он от нее отрекся, – он и правительство Керенского не предал бы всего только через восемь месяцев так бездумно и так единодушно, как он его предал... Если бы также и все русское офицерство не приняло революции столько безоговорочно, как оно ее в действительности приняло... оно бы, быть может, спасло Россию и от страшного развала царской армии...»²⁵

Уже в первых своих историософских очерках из цикла «Мыслей о России»²⁶ бывший офицер-артиллерист, а потом и фронтовой депутат Федор Степун делает живые зарисовки февральско-мартовского революционного перевозбуждения, а главное – *своего собственного непосредственного участия* в решающих для России событиях: «От штаба к штабу носились красно офлаженные автомобили, скакали красногривые тройки, всюду веяли красные знамена, всюду красно звенели оркестры, взвивались красноречивые тосты... Помню, как и я скакал, как и я говорил речи, как сам кричал солдатам-смертникам, шедшим занимать позиции: “за землю и волю”, “без аннексий и контрибуций”!.. Всё это я, как и все, делал с абсолютною искренностью, с пренебрежением всякой опасности и с готовностью на всякую жертву... Мы кричали об этом под огнем немецких винтовок с брустверов передовых окопов и в тылу с ораторских трибун, по которым постреливали большевики»²⁷.

«На всё это мужества было с избытком, – продолжает прапорщик-депутат Степун... – Не хватило мужества громко сказать себе и другим, что... безнравственно офицерской доблести сгибать спину перед солдатским шкурничеством и горлодерством, что не выстраданная, лишь словесная проповедь, в разгаре войны, самоопределения народов и меньшинств вредна, так как понятие родины, ее мощи и славы *вовсе не гуманно, но священно* и строится потому не только правильными и справедливыми точками зрения, но *праведными, хотя и несправедливыми страстями и пристрастиями* (курсив везде мой. – А.К.)»²⁸.

²³ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк V. С. 263.

²⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк II // Степун Ф.А. Сочинения. С. 212.

²⁵ Там же.

²⁶ Степуновский цикл «Мыслей о России» из десяти очерков печатался в самом авторитетном эмигрантском журнале – парижских «Современных записках» в 1923–1928 гг.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ Там же. С. 210–211.

Впоследствии, в мемуарах «Бывшее и несбывшееся»²⁹, Степун сформулировал еще более жесткие слова в собственный адрес: «До сих пор не могу без угрызений совести вспоминать свои фронтовые речи, которые я часто оканчивал эффектной фразой: “Петербург дал нам свободу, мы дадим России победу!”»³⁰. «Откуда эти угрызения совести? – задавался вопросом автор. – Ведь, в конце концов, я и поныне думаю, что, служа революционному оборончеству, я делал на фронте единственно возможное и нужное дело...»³¹

Согласно многим воспоминаниям и материалам биографов, одной из любимых книг Федора Степуна был «Ручной оракул» испанского автора XVII в. Бальтазара Грациана³². В ней, по словам Степуна, содержатся «замечательные по мудрости строки»: «Говоря об иерархии добродетелей, Грациан первое место отводит “непосредственности и благородной, вольнолюбивой независимости сердца”. Ставя это качество выше ума и выше храбрости, он утверждает, что без него красота жизни мертвеет и всякий подвиг умалется»³³.

Вот этой-то «независимости сердца», «вольного, прямого и непосредственного излучения своей личности», согласно Степуну-мемуаристу, и не хватило ему самому и многим другим остро чувствующим русским людям в период «Февраля»: «Неустанно носясь по фронту, защищая в армейских комитетах свои резолюции, произнося речи в окопах и тылу, призывая к защите родины и революции и разоблачая большевиков, я впервые за всю свою жизнь не чувствовал себя тем, кем я на самом деле был»³⁴.

Месяцы после «Февраля» и вплоть до большевистского переворота, вспоминал Степун, – «время величайшего напряжения и даже расцвета моей жизни, остались у меня в памяти временем предельного ущемления моего “я”, так как вместо меня во мне всё время жил некий, не во всем сливающийся со мною “субъект действия”»³⁵. И далее: «Вынужденный ежедневно и даже ежечасно добиваться каких-то необходимых для дела конкретных результатов, этот субъект неустанно требовал от меня, чтобы я подавлял в себе свои сомнения и пристрастия. Сотни раз повторяя формулу “за родину и революцию”, я должен был приглушать в себе ощущение несочетаемости

²⁹ Степун работал над книгой мемуаров с сентября 1937 по декабрь 1939 гг. и с октября 1943 по декабрь 1948 гг., о чем свидетельствует датировка отдельных частей воспоминаний. Подробнее об этом см.: Кантор В.К. Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278–319.

³⁰ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 320.

³¹ Там же.

³² Грациан Б. Карманный оракул. М., 2020. Об отношении Степуна к книге Грациана см., напр.: Жиглевич Е. На путях эмигрантских. Безмолвные встречи во Степуном // Степун Ф. Встречи и размышления. Избранные статьи. London, 1992. С. 27–28.

³³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 320. Есть ощущение, что Степун как опытный оратор не раз в риторических целях выдавал за «грациановские» собственные формулировки. Несомненно при этом, что афоризм Грациана: «Не давай воображению запугать сердце» – это, действительно, одна из заветных мыслей средневекового испанского автора, вновь открытого европейцами только в XIX в., благодаря усилиям Шопенгауэра и Ницше.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

этих слов, из которых первое означало святиню, а второе, смотря по точке зрения, преступление, болезнь или тяжелую операцию...»³⁶

«В этом упрощении и снижении своих чувств и мыслей, – с горечью подытоживает Степун, – в этом утаивании своего подлинного “я” не только от окружающих, но и от себя самого, в этом отказе от “независимости сердца”, которую как высшую добродетель требовал Бальтазар, была не только мука, которую я всегда чувствовал, но была, как я сейчас понимаю, и ложь»³⁷.

Итак, констатирует Степун, «в делании и творчестве» Временного революционного правительства *«не было какой-то последней настоящности, последней серьезности»* (курсив мой. – А.К.)... В страшное событие революции – вносилась страстная и пристрастная игра в революционные события; в ощущение революционной судьбы России – слишком сильное ощущение своей роли в этой судьбе...»³⁸

А ведь, согласно Федору Августовичу Степуну – одному из зачинателей отечественной «политической альтернативистики»³⁹, в России был вполне возможен и *принципиально иной исход*: «Окажись в победителях армия и земство, мы имели бы совершенно другую картину, быть может, *менее значительную* (это выражение у Степуна полно печальной иронии. – А.К.), но зато и *бесконечно более отрадную* (курсив везде мой. – А.К.)»⁴⁰.

Союз либерально-демократического земства («столичных умников и провинциальных тружеников») и патриотического воинства – вот, согласно философу и боевому офицеру Федору Степуну, – неременная и обязательная основа «чаемой России».

Список литературы

- Грациан Б. Карманный оракул / Пер. с итал. Е.М. Лысенко; вступ. ст. А.В. Маркова. М.: Рипол-классик, 2020.
- Жиглевич Е. На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном // *Степун Ф. Встречи и размышления. Избранные статьи*. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 12–31.
- Жукова О.А. Политические альтернативы национальной истории: дискурс о свободе в русской мысли // *Полилог*. 2019. Т. 3. № 1. DOI: 10.18254/S258770110004977-6.
- Жукова О.А. Россия и Революция: философия и социология русской культуры Ф.А. Степуна // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 2. С. 242–261.

³⁶ Там же. В этом фрагменте поздних мемуаров Степун переформулирует мысль, высказанную им еще в 1924 г.: «Максимальный демократический патриотизм выражался тогда формулой “за родину и революцию”, в которой тогда никто не слышал нелепого уравнения *вечной истины и страшной болезни*» (курсив Степуна. – А.К.) (*Степун Ф.А. Мысли о России*. Очерк V. С. 265).

³⁷ *Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся*. С. 320–321.

³⁸ *Степун Ф.А. Мысли о России*. Очерк V. С. 262.

³⁹ Жукова О.А. Политические альтернативы национальной истории: дискурс о свободе в русской мысли // *Полилог*. 2019. Т. 3. № 1. DOI: 10.18254/S258770110004977-6; Шарова В.Л. Вероятность, реальность и альтернативы революции в интерпретации В.А. Маклакова – либерала-государственника // *Полилог*. 2019. Т. 3. № 3. DOI: 10.18254/S258770110006554-1; Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор политического сознания. Круглый стол журнала «Полилог» // *Полилог*. 2019. Т. 3. № 3. DOI: 10.18254/S258770110007511-4.

⁴⁰ *Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся*. С. 206.

- Кантор В.К. Федор Августович Степун: «Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории...» // Российский либерализм: идеи и люди. Т. 2: XX век / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2018. С. 906–912.
- Кантор В.К. Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им. Чехова // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278–319.
- Кара-Мурза А.А. Москва «до» и «после» Революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 262–283.
- Кара-Мурза А.А. Москва Федора Степуна // Философские науки. 2014. № 8. С. 60–77.
- Кара-Мурза А.А. Степун, Москва и мировая война // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 83–86.
- Несостоявшиеся альтернативы политической истории России как фактор политического сознания. Круглый стол журнала «Полилог» // Полилог. 2019. Т. 3. № 3. DOI: 10.18254/S258770110007511-4.
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.; М.: Алетейя; Прогресс-Литера, 1994.
- Степун Ф.А. Сочинения / Сост., вступит. ст., примеч. и библиогр. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000.
- Шарова В.Л. Вероятность, реальность и альтернативы революции в интерпретации В.А. Маклакова – либерала-государственника // Полилог. 2019. Т. 3. № 3. DOI: 10.18254/S258770110006554-1.

The Philosopher and the Revolution. The experience of F.A. Stepun's intellectual confession

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the philosophical and historical views of the emigrant thinker F.A. Stepun (1884–1965) – one of the last representatives of the Russian Silver Age, whose late writings are a rare example of *historiosophical self-criticism* for Russian dissident thought. The main body of sources consists of the philosophical and literary cycle “Thoughts on Russia”, published in 1923–1928 in the most authoritative journal of Russian emigration, the Parisian “Modern Notes”, as well as the relatively late extensive memoirs “The Fulfilled and Unfulfilled”, which were written in Germany and France in the 1930s and 1940s. In these texts, F.A. Stepun, one of the founders of Russian “political alternative studies”, writes about the successes and missed chances of Russian socio-cultural modernization in the early 20th century, the contradictions and mistakes of the “February period” of the Russian Revolution (in which he himself took an active part), the illusions of Russian emigration and the real prospects of the anti-Bolshevik struggle.

Keywords: F.A. Stepun, Russia, culture, World War I, revolution, Bolshevism, emigration, memoirs

For citation: Kara-Murza, A.A. “Filosof i revolyutsiya. Opyt intellektual’nogo ispovednichestva F.A. Steputa” [The Philosopher and the Revolution. The experience of F.A. Stepun’s intellectual confession], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 83–93. (In Russian)

References

- Gracián, B. *Karmannyi orakul* [Oráculo Manual], transl. by E.M. Lysenko; introd. by A.V. Markov. Moscow: Ripol-klassik Publ., 2020. (In Russian)

- Kantor, V.K. "Fedor Avgustovich Stepun: 'Bozh'e utverzhdenie svobodnogo cheloveka kak religioznoi osnovy istorii...'" [Fyodor Augustovich Stepun: 'God's affirmation of the free man as the religious basis of history...'], *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi, T. 2: XX vek* [Russian Liberalism: ideas and people, Vol. 2: XX century], ed. by A.A. Kara-Murza, 3rd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 906–912. (In Russian)
- Kantor, V.K. "Kak izdayut shedevry. O publikatsii russkogo varianta memuarov F. Stepuna 'Byvshee i nesbyvsheesya'. Pis'ma Fedora Stepuna v izdatel'stvo Chekhova" [How are masterpieces published? About the publication of the Russian version of F.A. Stepun's memoirs 'The Fulfilled and the Unfulfilled'. Letters from Fyodor Stepun to the publishing house 'Chekhov'], *Voprosy literatury*, 2006, No. 3, pp. 278–319. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Moskva 'do' i 'posle' Revolyutsii: sotsiologiya rodnogo goroda v sochineniyakh Fedora Stepuna" [Moscow 'before' and 'after' Revolution: the Sociology of his Native City in the Writings of Fyodor Stepun], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2018, Vol. 17, No. 2, pp. 262–283. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Moskva Fedora Stepuna" [Moscow by Fyodor Stepun], *Filosofskie nauki*, 2014, No. 8, pp. 60–77. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. "Stepun, Moskva i mirovaya voina" [Stepun, Moscow and the World War], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 10, pp. 83–86. (In Russian)
- "Nesostoyavshiesya al'ternativy politicheskoi istorii Rossii kak faktor politicheskogo soznaniya. Kruglyi stol zhurnala 'Polilog' [Failed alternatives of Russia's political history as a factor of political consciousness. Round table of the 'Polylogos' magazine], *Polylogos*, 2019, Vol. 3, No. 3, DOI: 10.18254/S258770110007511-4. (In Russian)
- Sharova, V.L. "Veroyatnost', real'nost' i al'ternativy revolyutsii v interpretatsii V.A. Maklakova – liberala-gosudarstvennika" [Probability, Reality and Alternatives of Revolution as interpreted by V.A. Maklakov – a Liberal statesman], *Polylogos*, 2019, Vol. 3, No. 3, DOI: 10.18254/S258770110006554-1. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Fulfilled and the Unfulfilled]. St. Petersburg; Moscow: Aleteiya Publ.; Progress-Litera Publ., 1994. (In Russian)
- Stepun, F.A. *Sochineniya* [The essays], ed. by V.K. Kantor. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. (In Russian)
- Zhiglevich, E. "Na putyakh emigrantskikh. Bezmolvnye vstrechi so Stepunom" [On emigrant paths. Silent meetings with Stepun], in: F. Stepun, *Vstrechi i razmyshleniya. Izbrannye stat'i* [Meetings and reflections. Selected articles]. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992, pp. 12–31. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Politicheskie al'ternativy natsional'noi istorii: diskurs o svobode v russkoi mysli" [Political Alternatives of National History: A Discourse on Freedom in Russian Thought], *Polylogos*, 2019, Vol. 3, No. 1, DOI: 10.18254/S258770110004977-6. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Rossiya i Revolyutsiya: filosofiya i sotsiologiya russkoi kul'tury F.A. Stepuna" [Russia and the Revolution: Philosophy and Sociology of Russian Culture by F.A. Stepun], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2018, Vol. 17, No. 2, pp. 242–261. (In Russian)